

Только то и крепко, что трудом добыто.

И любовь, и дружба с трудом добываются. Чтобы всё хорошо стало, много в жизни тяжёлого перенести надо. Без труда и палку не выстругаешь. А для друга и любимого ни рук, ни головы жалеть не надо.

Ещё тогда, когда нивхов много было, жили на Тро-мифе — острове — Чориль из рода Тахта и Чольчиной из рода Чильби. Как родилась Чольчиной, мать Чорилья перевязала ей руку собачьим волосом: стала Чольчиной невестой Чорилья.

Когда девочка первую куклу в руки взяла, Чориль первого соболя добыл. Когда Чольчиной

первый раз ножик в руки взяла, чтобы рыбу почистить, Чориль на совете мужчин первый раз голос подал, как мужчина и охотник.

Чориль Чольчиной куклу из дерева сделал. Ножик ей сделал. Доску для выделки рыбьих шкур сделал, да так красиво вырезал, как никто до сих пор не умел.

Так и жили они.

Только без горя жизнь не проживёшь. Пришла на остров чёрная смерть. Купцы ли с японских островов её привезли, родичи ли с Амура, Тайфун ли ветер на своих чёрных крыльях принёс её, или сама она по воде пришла — кто знает? Куда потом ушла — тоже никто не видал! Только пришла она одна, а ушла — многих нивхов с собой унесла. В каждом доме покойник был... В каждом доме слёзы лились!

У Чольчиной родителей болезнь унесла. У Чорилья родителей чёрная смерть унесла. Оба осиротели.

Взял Чориль свою невесту к себе в дом.
Стали жить они вместе.

Чориль, что ни день, в дом добычу тащит. Охотник он был хороший — ни один зверь от него не уходил. Рыбак он был хороший — ни одна рыба от него уйти не могла. Твёрдую руку Чориль имел, острый глаз. Красивый был, голосом степенным говорил, песни петь умел. Всё он умел. За что Чольчиной ни схватится — всё Чориль своими руками сделал: невод сплёл, чумашки — коробки из бересты — сделал, лодку сделал, нож, копье и шест, острогу, весло и чашки. Даже зеркало серебряное для невесты Чориль сделал. Чольчиной с каждым днём всё красивее становится. Глаза у неё ясные, как звёзды; губы будто малиновым соком сбрызнуты; брови, как два соболя, над глазами раскинулись; а ресницы у Чольчиной такие, что с тех пор и поговорка пошла — «вокруг глубокого озера камыш растёт»!

Скоро время Чольчиной две косы заплетать.

Скоро за Чорилья замуж идти. Как взглянет на невесту Чориль — сердце у него точно ласточка забьётся.

Чориль уже и запас на свадьбу готовит. Когда с охоты идёт — под шкурками самого не видеть; столько зверя набьёт.

Когда с рыбной ловли возвращается Чориль — всей деревней за ним улов тащат.

Смотрит на него Чольчиной, спрашивает:

— Отчего тебе удача во всём, Чориль?

Посмотрит Чориль на свою Чольчиной, голову запрокинет и запоёт таким голосом, что у Чольчиной в груди замирает.

— Анн-н-га! Ынн-г-г-а! — поёт Чориль. — О милой помни всегда! Сердце стучит и глаза блестят тогда! Ноги быстрее и руки ловчей тогда! Скалы возьмёшь и повернёшь тогда! Через горы и реки полетишь тогда! Море как горсть воды тогда! Никто не остановит тебя тогда! О милой помни всегда! Сильней всех врагов будешь тогда!

Ходит Чольчиной по деревне. Самая красивая из всех. Голос у неё, как у птички. В чёрной собачьей шубе Чольчиной ходит. Юбка на ней из пёстрых тюленей. Шапочка на ней из беличьих шкурок.

Увидел невесту Чорилья старый Аллых из рода Уданы-Хингану. Увидел — глаз отвести не может. Рот раскрыл, губы распустил...

— В мою юрту пойдёшь, девчонка?

Посмотрела на него Чольчиной и рассмеялась:

— Я невеста Чорилья, Аллых! Как могу я смотреть на жабу, когда рядом со мной солнце стоит?

Закрыв рот Аллых, губы вытер.

— Ладно! — говорит. — Посмотрим, долго ли твоё солнце светить будет!..

Плохое задумал Аллых.

Аллых шаман был. Двенадцать толи — медных блях — у Аллыха на поясе висели. Двенадцать

шаманов до Аллыха этот пояс носили. Большую силу Аллых-шаман имел.

...Пошёл однажды Чориль медвежат добывать. Проводила его Чольчиной. Села, стала свадебный халат вышивать.

А Аллых бубен взял, костёр развёл, шаманить стал, злых духов стал призывать. Долго шаманил.

...Побежала по снегу позёмка. Завихрился снег, столбом встал, закружился. Чёрная туча небо обложила. С тёмной стороны большой ветер прибежал, кверху весь снег поднял.

Потемнело всё вокруг. Буран поднялся такой, что своей руки не увидишь!..

Никогда ещё такого бурана не было. У нивхов все юрты занесло — ровное поле стало там, где деревня стояла. Где лес стоял — только верхушки сосен из-под снега торчат.

...Застиг Чориля буран.

Видит парень — не будет охоты. Понюхал ветер — чует надолго! Как спастись? Стал Чориль пустую берлогу искать. Пустой не нашёл. Нашёл такую, где медведица лежала. Сказал ей Чориль, что не за ней пришёл, что буран его загнал. Лёг рядом, пригрелся. Заснул...

Десять дней и десять ночей выл буран, дороги заносил, деревья ломал, снег до неба поднимал. Потом утих ветер, улёгся снег. Тихо стало. Мороз ударил. Хороший наст стал. Самое время Чорилю идти медвежат добывать. Не может парень проснуться! Во сне слышит, будто Горный Хозяин говорит ему: «Кто из простых людей с медведицей в одной берлоге зиму проспит — нашим, таёжным человеком станет!» Дёрнулся было Чориль, хотел встать, бежать из берлоги, да сил у него не стало сон с себя сбросить, проснуться.

Пока лежал Чориль в берлоге, шерсть на нём выросла и когти на руках и ногах выросли. Таёжным человеком Чориль стал, медведем.

...Ждёт Чольчиной жениха, а его всё нет.

Буран улёгся. День за днём идёт. Пора бы Чорилю вернуться, а его всё нет. Плачет Чольчиной, тоскует...

Пришёл к ней Аллых, за руку взял:

— Что ты одна сидишь, девчонка? Не вернётся твой парень! Иди в мою юрту!

Вырывается Чольчиной, а Аллых так держит руку, что не вырвешься. Закричала Чольчиной, на помощь зовёт. Сбежались люди.

Говорит им Аллых:

— Одна девчонка осталась. Чориля злой кехн — чёрт — утащил! Пропадёт теперь девчонка! В свою юрту её возьму. Добрый я.

Молчат люди, боятся против Аллыха слово сказать.

И утащил Аллых в свою юрту Чольчиной. Сел на нары, брови нахмурил, пальцем шевельнул — десять его жён со всех ног бросились мось — кушанье — готовить. Рыбьей кожи нарезали, тюленьего жира натопили, в котёл бросили. Ягод, рису в котёл бросили. Отварили всё. Сушёной рыбы накрошили. Для цвета и вкуса белой глины подбавили. Стали жёны мось жевать да Аллыху в рот класть. Только и остаётся ему, что глотать. Протягивает Аллых мось Чольчиной: ешь! Не взяла Чольчиной мось, сухой юколы, из дома взятой, пожевала.

...Зима проходит — Чориля вся нет.

Каждый день спрашивает Аллых Чольчиной:

— Скоро ли две косы заплетёшь, девчонка?

— Не скоро ещё! — отвечает Чольчиной.

...Выбрала Чольчиной время. Оделась в охотничий наряд, копьё взяла, нож взяла, что Чориль сделал, сумочку свою рукодельную взяла, гребень взяла. Ушла из дома Аллыха ночью — Чориля искать. Идёт Чольчиной по тайге, видит — над сугробом парок вьётся. Значит, медвежья берлога под тем сугробом. Устала уже Чольчиной, есть захотела. Думает: «Подниму медведя, заколю! Кто знает, сколько мне ещё Чориля искать? Медведя заколю, крови горячей напьюсь, — силы придёт, мяса с собой в дорогу возьму!»

Сунула Чольчиной в проталину копьё. Стала в берлогое медведя шаровити.

Заревел медведь, вылез наружу. Большой, шерсть на нём серебром отливает. Ещё не видала Чольчиной такого красивого медведя. «Хорошая добыча!» — думает Чольчиной. Отступила назад, покрепче в снег ногой упёрлась. Замахнулась копьём, чтобы под сердце медведя ударить, без лишней муки убить. А копьё в сторону ушло, в сугроб уткнулось, только древко раскачивается... Схватила Чольчиной за нож, размахнулась посильнее и ударила медведя в сердце. А нож в кольцо завился, даже не оцарапал медведя. Чольчиной глаза закрыла, чтобы смерть свою не видеть. Тут говорит ей медведь:

— Не бойся, Чольчиной! Это я — Чориль!

— Ты злой кехн! — кричит Чольчиной.

— Заколдовал ты мой нож и копьё!

— Нет, Чольчиной, — говорит ей медведь. — Сам я тот нож и копьё делал, помнят они меня, потому и не идут против меня! Я — Чориль.

Рассказал он, что с ним случилось. Поняли они оба, что виноват во всём Аллых, который захотел Чольчиной в жёны получить. Стали думать: как быть? Пока жив Аллых — быть Чорилю медведем. И убить Аллыха нельзя — своя кровь, как можно пролить? Грех большой. Такой грех не прощается! Говорит Чориль.

— Есть у Аллыха свой кехн — чёрт! Убить кехна — умрёт Аллых... Живёт кехн у Горного Хозяина на каменной плите, в котле у столба. На закат солнца надо идти. Только я не могу. Живой медведь к Хозяину не ходит. Трудная дорога туда!

Подумала, подумала Чольчиной. Говорит:

— Пойду я к Горному Хозяину. Кехна того убью!

Взял медведь копьё из сугроба, нож расправил, Чольчиной отдал. Попрощались они, и пошла Чольчиной на закат.

Долго ли шла — не знаю. Не считала Чольчиной шагов, не останавливалась. Через реки на копьё перелетала. Через горы на копьё перелетала. Девять рек миновала. Девять озёр миновала. Девять горных хребтов миновала. О себе не думала. О Чориле думала. Вдруг видит — каменная сопка стоит, вершина её в облаках пропадает. Ни уступа, ни выступа на той сопке нет. Гладкая скала прямо из земли в небо растёт. Камень! Как подняться наверх?

Схватила Чольчиной нож Чорилия, в скалу кинула:

— Работай, помогай мне хозяина из беды выручать!

Воткнулся нож в камень. Искры во все стороны полетели. Стал нож камень долбить, ступеньки рубить. Стала Чольчиной по тем ступенькам взбираться. Солнце в свою юрту спать ушло. Небесные люди на небе огоньки засветили. Лезет Чольчиной по скале. О себе не думает, о Чориле думает, о его беде думает, лезет по скале...

Вот солнце выпалось, двери в юрте открыло. Небесные люди огонь погасили. А Чольчиной всё по

скале лезет. Скачет над нею нож, бьёт в камень, сыплются искры в разные стороны. Чольчиной со ступеньки на ступеньку поднимается. На землю не смотрит, о себе не думает.

На последнюю ступеньку Чольчиной ступила. Нож о камень поточила, в чехол вложила. Глянула вниз, чуть не упала — так далеко от неё земля, реки ниточками протянулись, сопки соболиными погодками кажутся.

Пошла дальше Чольчиной.

Видит — высокий дом стоит: брёвна каменные, столбы железные. Тот дом такой высокий, что как голову ни задирай — крыши не увидишь.

Лежит перед дверью удав — змей. Чешуя у удава каменная. Лежит перед дверью удав, голову его Чольчиной видит, а туловище его в тумане теряется: такой большой удав. Зелёные глаза свои на Чольчиной уставил. Смотрит — не смигнёт.

Похолодели у Чольчиной колени, ослабели руки. Как с таким справиться?

Зашевелилась тут у Чольчиной сумочка. Вынула из неё Чольчиной иголку костяную с жильной ниткой и бросила змею в глаза.

Принялась иголка в глазах удава сновать — то вверх, то вниз; то верхнее, то нижнее веко проткнёт, нитку за собой тащит. Не успела Чольчиной до пояса похолодеть, а иголка уже один глаз удаву зашила, за второй принимается. Мотает головой удав, не может понять, что случилось, отчего глаза закрываются.

Зашила костяная иголка змею глаза. Холод от Чольчиной отлетел. Переступила она ногами, к двери подошла. А та сама перед ней открывается.

За той дверью — другая дверь! Перед дверью большая ящерица лежит. Не видала Чольчиной таких: железная она, чёрная пасть раскрыта, во рту раздвоенный язык трепещет. Дохнула ящерица на Чольчиной — у девушки ноги до колен в землю ушли. Вынула Чольчиной из своей сумочки напёрсток, кинула, прямо ящерице в пасть попала, глотку ей заткнула. Тужится ящерица — не может второй раздохнуть. Высвободила Чольчиной ноги — и к двери. Дверь сама перед ней открывается.

За той дверью — третья. Сторожит её тигр. Зубы оскалил, а зубы в локоть длиной. Хвостом по земле бьёт, а хвост толщиной в лиственницу. Кинула Чольчиной в пасть тигру свою гребёнку. Стала гребёнка тигру поперёк горла: ни взад, ни вперёд! Чем шире тигр пасть разевает, тем длиннее у гребёнки зубья делаются. Рычит тигр, а с Чольчиной ничего сделать не может! Видит девушка, что тигру не до неё, подскочила к дверке, а та сама перед ней открывается.

А за той дверкой — юрта Хозяина. В той юрте всё, как у простых людей, только в потолке звёзды светят. В каждом окне — по солнцу. Возле нар столько звериных шкур лежит, что и не сосчитаешь. В эти шкуры Хозяин души убитых зверей вселяет, чтобы не перевелись звери на земле, сколько бы ни били их люди.

Оглянулась Чольчиной. Видит — потолок на столбы опирается. У одного столба каменная плита

лежит, на плите котёл стоит. Посередке Чольчиной, что это есть Горный Хозяин. Стала на колени, руки сложила, выслушать попросила. Рассказала, какая беда у неё случилась и зачем она пришла. Говорит ей Хозяин:

— Как Чорилья не знать! Хороший охотник, всё по закону делал: в костёр воду не лил, медведя саблей не рубил, кости не ломал. Очень плохо, что в такую беду попал! Вот смотри, в том котле много шаманьих кехнов — чертей — живёт. Который Аллыха — не знаю. Девочка ты храбрая, горя ты много перенесла... Возьми то, за чем пришла! К котлу подойдешь, крикни: «Кехн Аллыха, иди хозяину служить!» — тут и хватай его!

Так и сделала Чольчиной.

Только крикнула она: «Кехн Аллыха, иди хозяину служить!» — как выскочил из котла чёрный червяк. Схватила его Чольчиной в кулак, зажала покрепче и — бежать...

К обрыву подошла, на копьё села и прыгнула вниз. Летит, только в ушах свистит, скалы да утёсы мимо мелькают! Летит копьё, Чольчиной за него обеими руками держится. Летит копьё над горами, лесами, над озёрами и реками.

Долетело копьё до того места, где Чориль свою невесту ожидал. Слезла Чольчиной с копьё, к Чорилью подошла.

Говорит Чориль:

— На кого только я шкуру свою брошу?

— Найдётся, на кого! — говорит Чольчиной.

Глядит, к ним Аллых бежит.

Увидел Аллых Чольчиной, кричит:

— Вот ты где, негодная девчонка! Насилу нашёл!

— Напрасно искал ты меня! — говорит Чольчиной.

— Искал ты меня, а нашёл свою судьбу!

Кинула она тут на землю того кехна, которого в кулаке держала. Наступила на него и раздавила. Зашатался Аллых, на четвереньки стал. Тут медвежья шкура с Чорилья слезла, на шамана прыгнула и окутала его. Стал медведем Аллых. Так и надо ему, зачем Чорилью и Чольчиной худа хотел? Замахнулась на него Чольчиной копьём, испугался Аллых и кинулся от неё в тайгу.

Взялись Чориль и Чольчиной за руки и пошли в свой дом. По дороге Чольчиной две косы заплела.

Поженились они. Долго жили. До последнего дня друг друга крепко любили.

Что с трудом даётся, то люди берегут.